

Любовь и голуби: Наше время

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Правдин

Любовь и голуби: Наше время

«Автор»

2026

Правдин Д.

Любовь и голуби: Наше время / Д. Правдин — «Автор», 2026

Василий Кузякин — простой мужик, работага с пилорамы и любящий отец. Его единственная, но пламенная страсть — разведение редких пород голубей, на которых он втайне от жены спускает половину заначки. Его супруга Надя — сильная, хозяйственная женщина, на которой держится весь дом. Быт давно заел Кузякиных, и общение в семье строится в основном на повышенных тонах. Всё меняется, когда Василию дают горящую путевку в элитный санаторий в Сочи. Там он попадает в оборот к эксцентричной городской даме Раисе Захаровне. Помешанная на биохакинге, астрологии и сыроедении, она быстро внушает простодушному Васе, что домашний быт и куры разрушают его ауру «низкими вибрациями». Василий уходит из семьи к новой «родственной душе по космоэнергетике». Но сможет ли деревенский мужик выжить на пророщенной полбе в минималистичном лофте, когда дома осталась настоящая, живая любовь, готовая ради прощения пройти через любые земные бури?

© Правдин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Правдин

Любовь и голуби: Наше время

1

повесть написана по сюжету фильма — Любовь и голуби

Глава 1. Голуби над крышей

Утро в поселке Кузякино начиналось не с будильников, а с густого, сытого петушиного крика, который перекатывался от одного забора к другому, пока не увязал в густом прибрежном тумане. Воздух здесь, всего в пятидесяти километрах от областного центра, пах по-старинному: печным дымом, прелой антоновкой, парным молоком и сырой речной прохладой. Сколько бы пластиковых окон ни вставляли соседи в свои деревянные избы, сколько бы глухих заборов из металлопрофиля ни городовали вдоль центральной улицы, земля всё равно брала свое — жила размеренно, неторопливо, дышала в такт смене времен года.

Василий Кузякин стоял на дощатом настиле своей голубятни, задрал голову к бледному, едва проснувшемуся сентябрьскому небу. На нем были старые, выдавшие виды тренировочные штаны с вытянутыми коленями и выцветшая фланелевая рубашка в крупную клетку. В руках он держал старую жестяную банку из-под индийского чая, доверху наполненную отборным, золотистым зерном.

— Гули-гули-гули... — негромко, ласково ворковал Василий, и в его голосе проступала такая дремучая, детская нежность, какую от этого сорокапятилетнего плечистого мужика на пилораме никто бы отродясь не услышал. — Ну же, мои хорошие... Ну, летите к хозяину.

Над крышей, делая широкий, идеальный круг, заходила пара белохвостых чубатых. Солнце, едва пробившееся сквозь тучи, ловилось на их крыльях, превращая обычные перья в живое, трепещущее серебро. Василий затаил дыхание. Ради этих птиц он жил. Ради этого короткого момента, когда они, сделав последний вираж, мягко, со свистом опускались ему прямо на плечи, перебирая лапками и заглядывая в глаза бусинками-зрачками. На пилораме его уважали — мужик надежный, непьющий, руки золотые, любой горбыль в дело пустит. Но там была работа, тяжелая, пахнувшая сырыми опилками и бензином. А здесь, на голубятне — здесь была его душа.

Василий аккуратно, чтобы не спугнуть птиц, опустил руку в карман штанов и нащупал там свернутые в тугую трубочку пятитысячные купюры. Его личная заначка. Тайный фонд, который он копил три месяца, урезая себя в сигаретах и подрабатывая по выходным на починке соседских бань. Сегодня из соседней станицы Митька-перекупщик обещал привезти настоящего, чистокровного турмана. Птица редкая, дорогая, Надя про эту покупку знать не должна была ни в коем случае. Для Надежды Кузякиной каждый голубь в доме был личным врагом, проедающим семейный бюджет, который и без того трещал по швам.

— Васька-а-а! Опять на верхотуру залез, черт лесной! — раздался снизу, со двора, звонкий, зычный голос, от которого белохвостые чубатые мгновенно взмыли обратно в небо.

Василий мысленно охнул, поправил очки на переносице и заглянул за дощатый бортик. Внизу, посреди двора, уперев руки в бока, стояла его Надя. Сильная, круглолицая, в цветастом фартуке поверх теплой кофты и в калошах на босу ногу. Возле её ног крутились куры, которых она только что кормила из старого таза.

— Спускайся, говорю, ухарь! — Надя сердито потрясла кулаком в сторону голубятни. — Там Ленка опять свой питбайк посреди огорода бросил, всю капусту помял, охламон! А ты

сидишь, на птиц свои zenки пялишь! У Ленки куртка на зиму мала, у Ольки сапоги просят каши, Людка из города вернулась — сама не своя, плачет по ночам в подушку, а отец у нас всё в облаках витает! Спускайся, Вася, хуже будет!

Василий тяжело вздохнул, закрыл банку с зерном и начал медленно спускаться по шаткой деревянной лестнице. На душе у него было мутно. Он Надю любил, уважал её хозяйственность — дом у них был полная чаша, скотина досмотрена, огород в тридцать соток вылизан до последнего сорняка. Но эта её вечная, звенящая практичность иногда давила так, что дышать становилось нечем. Ей бы всё в копейку перевести, в мешок картошки да в новые сапоги. А то, что мужику небо нужно, она понять не могла.

— Ну чего ты шумишь, Надя, чего раскричалась на весь поселок? — примирительно сказал Василий, ступая на землю. — Ленка мопед уберет, я ему скажу. А Людку не трогай, переболит у неё в городе-то, дело молодое...

— Не трогай?! — Надя подступила к нему почти вплотную, и от неё пахло свежим тестом и утренней прохладой. — Тебе бы всё «не трогай»! Весь дом на мне одной держится! Ты на пилораме копейки свои получишь — и половину сразу на корма этим своим дармоедам летучим спускаешь! Думаешь, я не знаю, что ты у Митьки опять птицу выторговал? Соседи видели, как вы у селпо шушукались!

Василий густо покраснел, заметался взглядом по двору. Попался. Логика Нади была безжалостной, как топор дровосека.

В этот момент со стороны калитки послышался легкий покашливающий звук. На двор, воровато оглядываясь, бочком протиснулся дядя Митя — их сосед, старый пенсионер и главный мастер по маскировке в поселке. На нем был потрепанный пиджак, из кармана которого подозрительно торчало горлышко четвертушки.

— Слышь, Кузякины... Тут дело такое... — дядя Митя скорбно опустил голову и снял кепку, прижимая её к груди. — Беда у меня. Шура-то моя... баба Шура... всё. Преставилась под утро. Сердце прихватило, и привет.

Надя ахнула, выронив таз из рук. Оцинкованное железо с грохотом покатилося по утоптанной земле двора. Куры с кудахтаньем бросились врассыпную. — Господи! Митя, да как же так?! Вчера ведь только у колодца стояла, крепкая баба была!

— Вот так... — дядя Митя пустил скупую мужскую слезу, утирая нос рукавом, но при этом его хитрые глаза косились на Василия, подавая тайные знаки. — Сiju вот, сирота теперь... Помянуть бы надо покойницу-то, а Шура все деньги спрятала, царство ей небесное... Вась, подсоби на помин души, а?

Василий уже потянулся к карману, искренне сочувствуя старому соседу, как вдруг со стороны забора раздался яростный, звонкий крик: — Митька-а-а! Ах ты ирод окаянный! Опять меня живо похоронил, алкаш проклятый!

Из-за калитки, размахивая тяжелым деревянным коромыслом, вылетела баба Шура — живая, здоровая и невероятно злая. Дядя Митя, мгновенно позабыв про свою скорбь и сиротство, проявил такую прыть, какой от его больных суставов никто не ожидал. Он коршуном метнулся через грядки с клубникой, лихо перемахнул через забор и скрылся в зарослях малиника, а баба Шура с криками «Я тебе устрою поминки!» понеслась следом.

Надя, проводив соседей долгим взглядом, тяжело вздохнула, повернулась к Василию и вдруг как-то обмякла, растеряв всю свою утреннюю злость. — Вот ведь жизнь... У всех свой крест. Вась, ладно, иди завтракай. Олады на столе стынут. И Ленку найди, пусть мопед уберет.

Они пошли к дому. Но до крыльца дойти не успели — от калитки послышался громкий стук. На двор вошел почтальон Толик в своей форменной синей куртке. В руках он держал плотный конверт с логотипом лесного хозяйства и официальную бумагу.

— Василий Кузякин? — важно спросил Толик. — Распишитесь вот здесь. Вам от управления путевка пришла. Горящая. В санаторий «Черноморская лазурь», в город Сочи. Завтра выезд. Профсоюз полностью оплатил за хорошую работу.

Надя застыла на ступеньках крыльца. Василий удивленно поправил очки. Сочи? Черное море? Для простого мужика из Кузякино это было всё равно что полет на Луну. Он никогда в жизни не выезжал дальше областного центра.

— В Сочи... — тихо, с каким-то благоговейным испугом повторила Надя, переводя взгляд с мужа на бумагу. — Батюшки... Вася, это же море. Там пальмы. Там... люди культурные отдыхают.

Она посмотрела на его простую фланелевую рубашку, на его доброе, обветренное лицо, и внутри неё вдруг шевельнулась странная, непривычная гордость за своего мужа. Его оценили. Его посылают на курорт. Она еще не знала, что эта горящая путевка, пахнувшая южным солнцем и морской солью, очень скоро разорвет их привычную, традиционную жизнь на мелкие кусочки, а на далеком сочинском пляже Василия уже поджидала Раиса Захаровна — женщина из совершенно другого, непонятного и опасного для него мира «высоких вибраций».

Глава 2. Курортный детокс

Сочи оглушил Василия Кузякина с первой же секунды, как он ступил из душного вагона на перрон вокзала. Город обдал его густым, незнакомым теплом, в котором причудливо смешались запахи незнакомых южных цветов, бензиновой гари, привокзальной чебуречной и чего-то еще — огромного, влажного и соленого. Василий испуганно поправил на носу очки, покрепче перехватил ручку старого дерматинового чемодана, который Надя любовно обвязала бельевой веревкой для надежности, и завертел головой. Кругом высились немыслимые кипарисы, прямые и острые, как стрелы, шумели пальмы с огромными веерами листьев, а солнце пекло так, словно на дворе стоял не сентябрь, а самый разгар июля.

Санаторий «Черноморская лазурь» оказался огромным белым дворцом со сталинскими колоннами, утопающим в буйной южной зелени. Василий чувствовал себя здесь как на чужбине. Его поселили в двухместный номер с видом на глухую стену пищеблока, выдали хрустящие белые полотенца и отправили на обед. В столовой, где пахло тушеной капустой и компотом из сухофруктов, Василий скромно пристроился на краешке стула у самого окна, стараясь не греметь ложкой и не привлекать к себе внимания культурной публики.

— Мужчина, вы нарушаете мою пространственную ауру. Отодвиньте, пожалуйста, ваш хлеб, — раздался сбоку капризный, певучий и невероятно авторитетный женский голос.

Василий вздрогнул, едва не выронив вилку, и повернулся. За его столом сидела дама лет сорока семи. Она выглядела так, словно только что сошла со страниц журнала об альтернативной медицине. На ней был белоснежный льняной костюм, на шее болтались массивные бусы из какого-то зеленого поделочного камня, а на голове красовалась широкополая соломенная шляпа. В тарелке у дамы сиротливо лежала горка какой-то серой пророщенной крупы и три кружка сырого огурца. Сам Василий в этот момент с аппетитом уплетал жирную свиную котлету с макаронами.

— Извините, Христа ради... — пробормотал Василий, торопливо пододвигая свою тарелку ближе к краю стола. — Я не со зла. Вася я. Кузякин. Из области.

Дама медленно, с достоинством сняла солнцезащитные очки, и на Василия посмотрели круглые, подведенные черным карандашом глаза. В этих глазах горел такой мощный огонь фанатичной убежденности, что Вася инстинктивно втянул голову в плечи.

— Раиса Захаровна, — представилась она, изящно поддевая вилкой кусочек огурца. — Сотрудница главного управления кадров. И я сразу вижу, Василий, что ваша энергетика находится в глубоком, критическом упадке. Вы едите этот трупный яд — я имею в виду вашу сви-

ную котлету, — и полностью забиваете свои чакры низкими вибрациями. Вы знаете, что мясо убивает в человеке его космическое начало?

Василий захлопал глазами, жуя кусок хлеба. На пилораме в Кузякино про космическое начало никто никогда не разговаривал. Там если мужик мясо не ел, значит, он либо тяжело болел, либо у него закончились деньги.

— Да как же... — растерянно протянул Василий. — Нам без мяса-то нельзя. Работа тяжелая, лес пилим... Силы нужны.

— Силы — в космосе, Василий! В чистой энергии! — Раиса Захаровна подалась вперед, и её бусы из нефрита зловеще загремели по столешнице. — Земля — это лишь временное пристанище для наших душ. Наша настоящая родина — там, среди звезд. Вы слышали про филиппинских хилеров? Они проникают пальцами прямо внутрь человеческого тела без всяких ножей, удаляют весь негатив и закрывают рану легким прикосновением ладони. Вот это я понимаю — биоэнергетика! А ваш Вышний Волочёк и пилорама — это просто ментальная тюрьма, в которую вас заперла ваша... бытовая реальность. У вас есть жена?

— Надя... — тихо сказал Василий, чувствуя, как под этим мощным натиском его сознание начинает медленно плыть, словно после стакана дяди-митинового первача.

— Ну конечно, Надежда! — Раиса Захаровна горько, снисходительно усмехнулась. — Типичный заземленный элемент. Борщи, куры, огород, вечные крики и подсчет копеек. Она же тянет вас на дно, Василий! Она разрушает вашу ауру своим кухонным абюзом! Вы рождены для большего. У вас глаза человека, способного видеть тонкие миры. Вы любите птиц?

— Голубей люблю... — выдохнул Василий, и его сердце вдруг забилось чаще. — Белохвостых чубатых развожу. У меня голубятня своя во дворе, я их летать пускаю...

— Голуби! — Раиса Захаровна торжествующе вскинула руки к потолку столовой, едва не задев проходящую мимо официантку с подносом. — Это же знак! Птицы — это проводники космической энергии, они связывают нас со стратосферой! Василий, вы уникальный самородок. Ваше подсознание инстинктивно тянется к высоким вибрациям через этих птиц, а ваша Надежда обрезает вам крылья! Всё, с сегодняшнего дня я беру вашу астральную проекцию под свое личное кураторство. После обеда — йога на пляже и сеанс очищения ментального тела. Возражения не принимаются, космос уже сделал свой выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.